

Американо-китайская конкуренция как модель нового мироустройства

(на основе исследования RAND Corp. от 29 сентября 2026 г.)

Глобальное соперничество между США и Китаем (один из элементов соперничества великих держав, в американской терминологии) не сводится к торговой войне, гонке вооружений или технологической конкуренции. В основе конфликта интересов находится более широкий процесс: две крупнейшие державы пытаются обеспечить **собственную экономическую, технологическую и политическую устойчивость** и одновременно получить преимущество в международных сетях, от которых зависит развитие других стран. Новое исследование предлагает рассматривать эту конкуренцию не как классический переход мирового лидерства от одной державы к другой, а как **длительное сосуществование двух центров силы, соперничающих за критические рычаги влияния.**

Концептуальная рамка: конкуренция не за «первое место», а за источники зависимости

Первое принципиальное наблюдение RAND состоит в том, что термин «переход власти» недостаточно точно описывает нынешнее положение дел между США и КНР. Китай не движется по прямой траектории к вытеснению Соединенных Штатов из всех измерений национальной мощи. Скорее, американская монополия на высшем уровне мировой иерархии уступает место системе с двумя сопоставимыми центрами силы, при которой рядом остаются Европейский союз, Индия и группа крупных средних держав.

Это меняет саму логику стратегии. Если речь идёт о классическом переходе гегемонии, естественной целью становится предотвращение возвышения соперника. Если же речь идёт о длительной конкуренции двух центров силы, задача иная: **не дать сопернику получить контроль над отдельными узловыми ресурсами, технологиями и сетями, превращающий экономическое или технологическое преимущество в политическую возможность диктовать условия другим государствам.**

RAND определяет конкуренцию как долгосрочную борьбу за безопасность, влияние и относительное преимущество без обязательной конечной точки и без единственного момента «победы». Это важная поправка к распространённой модели новой холодной войны: **отношения США и Китая одновременно содержат элементы конфликта, взаимозависимости и потенциальной координации.**

В практическом смысле, по мнению американских экспертов, конкуренция должна рассматриваться как **система из нескольких взаимосвязанных уровней.**

Первый уровень – фундаментальные источники национальной мощи: состояние внутренней экономики, способность производить научные открытия, создавать технологии и масштабировать их.

Второй – материальные и институциональные инструменты: промышленность, сырьё, энергетика, финансы, дипломатия, вооружённые силы, информационные ресурсы.

Третий – международные сети: торговые маршруты, стандарты, цифровая инфраструктура, финансовые механизмы, технологические цепочки, альянсы и зависимости.

Четвёртый – способность государства управлять собственными ресурсами. Именно здесь появляются **два сквозных фактора, выделенных RAND: системная и сетевая динамика, а также общество и государственное управление.**

Отсюда следует **главный вывод:** национальная мощь в XXI веке – это не сумма ВВП, вооружений и численности населения. Более существенна **способность государства превращать экономический и научный потенциал в масштабируемые технологии, затем – в промышленное производство, международные стандарты, инфраструктуру и политическое влияние.**

Американская и китайская концепции национальной мощи

RAND сопоставляет две разные традиции стратегического мышления. *Американский подход традиционно раскладывает национальную мощь по функциональным инструментам – дипломатическому, информационному, военному, экономическому, финансовому, разведывательному и правоохранительному.* Такая модель удобна для распределения полномочий между государственными институтами, но имеет структурный недостаток: *разные инструменты находятся в разных ведомствах и часто развиваются независимо друг от друга.*

Китайская концепция Comprehensive National Power – комплексной национальной мощи исходит из **более интегрированного представления.** Экономика, технологии, промышленность, военная сила, человеческий капитал, ресурсы, дипломатия, информация и способность государства мобилизовать общество рассматриваются как элементы единого потенциала.

RAND прямо указывает, что китайская концепция существует в нескольких версиях и не представляет собой единой общепринятой математической формулы. Значение концепта находится скорее в самом способе мышления: преимущество возникает не только внутри отдельных сфер, но и на пересечениях между ними. Именно эта разница объясняет асимметрию нынешней конкуренции.

Вашингтон долгое время преимущественно отвечал на отдельные действия Пекина. КНР, напротив, строит более интегрированную систему. Технологическая политика одновременно служит промышленной политике; промышленная политика – экспорту; экспорт – созданию зависимости от китайских поставщиков; инфраструктура – расширению дипломатического влияния; стандарты – закреплению технологических экосистем. Иными словами, **Китай конкурирует не столько отдельными инструментами, сколько экосистемами.**

RAND выделяет **семь основных областей конкуренции**:

1. внутренняя экономика;
2. научно-технологический потенциал;
3. ресурсы и материалы;
4. информация, идеология и культура;
5. дипломатия;
6. международная экономика;
7. военная сфера.

Над ними находятся две сквозные категории – **системная и сетевая динамика**, а также общество с государственным управлением (рисунок 1). При этом две области имеют фундаментальный статус: внутренняя экономика и наука/технологии.

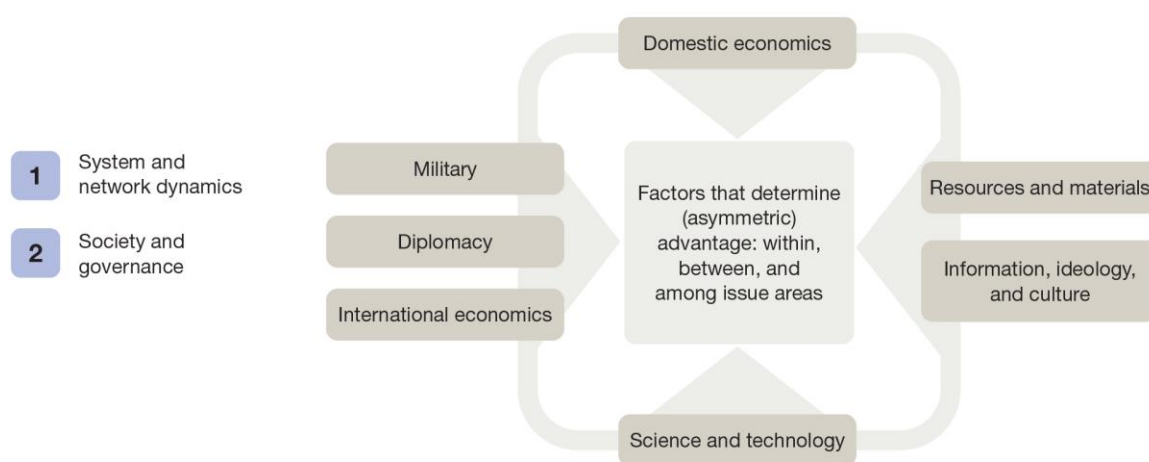

Рис. 1. Категории оценки глобального соперничества

Это, вероятно, наиболее важная часть всей концепции RAND. Конкуренция начинается не с авианосцев и не с торговых тарифов. Она начинается с того, какая система быстрее создаёт производительность, технологии, капитал и способность превращать их в массовые продукты.

Китайская модель: государство как механизм преобразования ресурсов в национальную мощь

Китайская система управления принципиально отличается от американской не только политическим устройством, но и способом постановки государственных задач. RAND предлагает рассматривать современный Китай сразу *через несколько взаимосвязанных характеристик*: классическую великую державу, цивилизационное государство, марксистско-ленинскую систему, государство развития, формирующегося научно-технологического лидера и централизованную персоналистскую систему при Си Цзиньпине.

Эти характеристики не всегда согласуются друг с другом. Китайская система может одновременно демонстрировать стратегическую терпеливость и резкую реакцию, прагматизм и идеологическую жёсткость, экономическую открытость и стремление к технологической автономии. Но именно эта многослойность и является источником её управленческой специфики.

Внутренняя стабильность для КПК остаётся базовым условием. Национальное развитие, технологическое обновление и международное влияние рассматриваются как взаимосвязанные задачи. Поэтому государство не ограничивается регулированием рынка: оно определяет приоритетные отрасли, направляет капитал, создаёт инфраструктуру, координирует исследовательские программы и формирует спрос.

Современная формула «новых качественных производительных сил» хорошо показывает этот подход. Китай связывает развитие искусственного интеллекта, робототехники, новых материалов, промышленной автоматизации и других технологий не просто с инновационной политикой, а с обновлением всей модели экономического роста. Официальная программа «AI Plus», принятая в 2025 году, предусматривает внедрение ИИ одновременно в науку, промышленность, потребление, социальную сферу, государственное управление и международное сотрудничество. **Заявлена цель – к 2030 году превратить интеллектуальную экономику в значимый источник роста.**

Китай не ставит задачу просто создать несколько успешных AI-компаний. Логика состоит в распространении технологии по всей экономике. Поэтому критерий успеха – не только технологическое первенство, но и **скорость диффузии технологий. RAND использует именно этот критерий применительно к научно-технологической мощи:** она включает способность создавать научное знание, превращать его в технологию и затем быстро распространять технологию внутри страны и за её пределами. В этом заключается одна из наиболее важных малозаметных особенностей конкуренции.

Американская модель: преимущество в создании, но не всегда в масштабировании

Сильная сторона американской системы заключается в другом. США располагают развитой университетской системой, частным капиталом, крупнейшими технологическими корпорациями, сильными финансовыми рынками, глобальной сетью союзников и значительным запасом фундаментальных научных компетенций. Проблема, которую выделяет RAND, заключается не столько в отсутствии ресурсов, сколько в неспособности государства собрать их в единый стратегический контур.

Исторически американская модель позволяла частному сектору самостоятельно выбирать наиболее перспективные направления. Такая система хорошо работает там, где коммерческий стимул совпадает с национальным интересом. Но она хуже справляется с секторами, где окупаемость приходит через десять – двадцать лет, а стратегический эффект имеет значение уже сегодня. Именно поэтому США постепенно переходят к промышленной политике: поддержке полупроводников, критических материалов, оборонной промышленности, инфраструктуры, искусственного интеллекта и других направлений. И эта трансформация продолжается.

В январе 2026 года Бюро промышленности и безопасности США изменило режим лицензирования ряда передовых AI-чипов для Китая, сохранив экспорт при дополнительных условиях. Это показательный пример того, что американская политика одновременно пытается ограничивать технологический доступ Пекина и сохранять экономическую жизнеспособность собственной технологической экосистемы. Именно поэтому чистая логика «полного технологического разрыва» плохо соответствует аме-

риканским интересам. Если американские компании полностью лишаются китайского рынка, часть доходов, данных, масштабов производства и стимулов для дальнейших инвестиций также исчезает.

Таким образом, борьба идёт не только за то, кому продавать технологию, но и за то, **какая экосистема будет быстрее обучаться, дешеветь, масштабироваться и становиться глобальным стандартом.**

Что на самом деле хочет Китай

RAND отделяет реальные китайские цели от идеи неизбежного стремления Пекина к мировому территориальному господству. Китайская стратегия прежде всего направлена на внутреннюю стабильность, национальное развитие и восстановление статуса великой державы. Внешнее измерение связано прежде всего с экономикой, технологиями, производством и международными сетями. **Китай стремится занять позиции, которые дают структурное влияние: в производстве, торговле, критических технологиях, цифровой инфраструктуре, стандартах и цепочках поставок.**

Официальные китайские документы подтверждают именно такую логику. В материалах по 15-й пятилетке на 2026–2030 годы подчёркивается важность технологической самостоятельности, усиления научно-технического потенциала, развития новых производительных сил и, как следствие, укрепления национальной мощи. К 2035 году ставится задача существенного усиления экономического, научно-технологического, оборонного и международного потенциала Китая.

Поэтому промышленная политика Пекина имеет геополитический смысл. Если страна контролирует значительную долю производства батарей, солнечных панелей, электромобилей, судов, промышленных компонентов или редкоземельных материалов, то это создаёт не только экспортную выручку. Возникает возможность влиять на издержки и темп развития других государств. Такой эффект RAND называет **борьбой за критические рычаги влияния и контроля над узкими местами международной системы.** Это важнее, чем вопрос о том, чей ВВП окажется больше.

Производство как скрытый центр конкуренции

Один из наиболее значимых выводов RAND состоит в том, что Китай уже обладает доминирующей позицией в мировом производстве, хотя это не означает общего превосходства над США. Американская экономика сохраняет преимущества в производительности, капитале, инновациях и финансовой системе. Но Китай создал масштаб промышленной базы, который трудно быстро воспроизвести.

RAND отмечает, что китайское производство ежегодно превышает американское более чем на \$2 трлн; одновременно США сохраняют второе место в мире по объёму производства и значительно опережают Китай по добавленной стоимости на одного работника. Проблема США поэтому не в исчезновении промышленности как таковой, а в утрате конкурентоспособности в отдельных стратегических секторах – судостроении, аккумуляторах, солнечных элементах, электронике и станкостроении.

Это различие определяет характер будущей конкуренции. Для США опасен не китайский контроль над всей промышленностью мира. Более реалистичный риск – возникновение нескольких отраслей, в которых китайская доля производства становится настолько высокой, что альтернативные поставщики становятся экономически

неэффективными. В этом случае рыночная эффективность превращается в геополитическую зависимость.

Почему искусственный интеллект может изменить структуру конкуренции

AI занимает в модели RAND особое положение. В отличие от многих предыдущих технологий, ИИ способен одновременно воздействовать на производительность, военное дело, разведку, управление, образование, финансы, логистику и научные исследования. Поэтому преимущество может возникнуть не только на уровне самих моделей.

Критическими становятся следующие сферы:

- вычислительные мощности;
- полупроводники;
- энергетика;
- данные;
- исследовательские кадры;
- программные экосистемы;
- промышленная автоматизация;
- способность быстро внедрять AI в экономику;
- способность государства адаптировать регулирование.

Китай делает ставку именно на связку «ИИ – производство – государственное управление». США имеют преимущество в ряде фундаментальных технологий и частном технологическом секторе. Поэтому **главным объектом конкуренции становится не отдельная модель ИИ, а скорость превращения AI в фактор национальной производительности.**

Если одна сторона создаёт более мощную модель, но другая быстрее внедряет сопоставимые технологии в десятки тысяч предприятий, итоговое экономическое преимущество может оказаться у второй. Это делает диффузию технологий не менее важной, чем фундаментальное открытие.

Сырьё, энергия и критические зависимости

Следующий уровень – ресурсы. RAND выделяет критические минералы, редкоземельные элементы и энергетику как отдельную область. Китай занимает сильные позиции в цепочках редкоземельных материалов и одновременно пытается уменьшать собственную зависимость от внешних источников энергии.

Здесь возникает принципиально новый тип геополитического инструмента. Раньше государство получало преимущество благодаря контролю над месторождением. Теперь значение имеет контроль над всей цепочкой – добычей, переработкой, химическим разделением, производством компонентов и конечных изделий.

Поэтому месторождение лития само по себе может иметь меньшее значение, чем перерабатывающий завод или технологический стандарт. Это одна из причин, по которой простое перемещение добычи из Китая в другую страну не решает проблему зависимости.

Военная конкуренция остаётся важной, но не определяющей

Военная сфера остаётся критической, прежде всего вокруг Тайваня и западной части Тихого океана. Китайские вооружённые силы продолжают расширять ядерные,

космические, кибернетические, ракетные и морские возможности. Министерство обороны США в последнем ежегодном докладе также подчёркивает развитие китайских возможностей для действий против Тайваня и противодействия американским силам в регионе.

Но военную мощь следует рассматривать лишь как один элемент более широкой системы. В случае длительного конфликта значение приобретут промышленная производительность, судостроение, запасы боеприпасов, доступ к критическим материалам, энергетика, спутниковая инфраструктура, киберустойчивость и способность союзников поддерживать производство.

Поэтому промышленная конкуренция фактически становится частью военного сдерживания. Это особенно важно для США: страна может обладать более сложными вооружениями, но преимущество в затяжном конфликте зависит от способности восполнять потери и поддерживать производство.

Союзники как множитель, а не вспомогательный ресурс

Главное внешнее преимущество США – не только собственная мощь, но и система союзов. RAND предлагает рассматривать союзников как часть американского национального потенциала. Совместные исследования, оборонное производство, стандартизация, обмен технологиями и распределение нагрузки способны создавать эффект, который существенно превышает стоимость отдельных американских программ.

Здесь возникает асимметрия. Китай может обладать более масштабной промышленной базой, но США способны объединять производственные и технологические ресурсы нескольких развитых экономик. Следовательно, реальная единица измерения конкуренции – всё чаще не США против Китая, а **экосистема США плюс партнёры против китайской экосистемы**.

Именно поэтому **позиция третьих стран становится самостоятельным фактором**. Большинство государств не заинтересовано в полном присоединении к одному из двух блоков. Они будут выбирать технологии, капитал, инфраструктуру и рынки по отдельным направлениям. Это означает, что **Глобальный Юг становится не пассивным объектом конкуренции, а самостоятельным источником неопределённости**.

Информационная конкуренция и управление восприятием.

Информационное измерение отличается от традиционной пропагандистской борьбы.

Китай стремится получить не только симпатии, но и **дискурсивное влияние** – способность определять, какие нормы и трактовки становятся легитимными.

RAND рассматривает информацию, идеологию и культуру как самостоятельный ресурс национальной мощи. Китай использует концепцию «дискурсивной власти» для укрепления внутренней легитимности и формирования международных представлений о Китае.

Но здесь существует ограничение: влияние невозможно свести к количеству медиаресурсов.

Гораздо важнее способность государства предоставлять востребованные решения.

Если страна предоставляет цифровую инфраструктуру, электростанции, телекоммуникационные сети, системы городского управления или AI-сервисы, техническая зависимость постепенно становится каналом политического влияния.

Именно поэтому RAND рассматривает цифровые сети как один из потенциальных стратегических «узлов».

Один из наиболее важных выводов RAND заключается в том, что конкурентоспособность США будет зависеть от качества собственного управления. В американском случае проблема связана с сочетанием высокого государственного долга, политической поляризации, сложности административных процедур, дороговизны строительства инфраструктуры и ослабления способности быстро реализовывать крупные проекты.

RAND одновременно указывает на демографические, долговые и производственные ограничения Китая. Следовательно, конкуренция имеет парадоксальный характер: **обе системы одновременно пытаются найти новую модель экономического роста**. Это означает, что американская стратегия против Китая не может быть построена исключительно на ограничении китайского роста. **Если Вашингтон успешно блокирует китайский экспорт, но не решает собственные проблемы с промышленностью, инфраструктурой, образованием, финансами и государственным управлением, относительный результат окажется ограниченным.**

В этом отношении RAND возвращается к логике ранней холодной войны: фундаментом национальной мощи являются экономическая динамика, технологические инновации, социальная устойчивость и способность государства эффективно действовать.

Какие выводы сделали американские аналитики

На данном этапе RAND не предлагает законченной стратегии, авторы прямо подчёркивают, что исследование рассчитано на два года. Однако уже сформулирована первоначальная теория успеха. Она состоит из трёх элементов:

Первое – внутреннее обновление. США должны укрепить собственную экономическую, научно-технологическую и социальную базу.

Второе – контроль над критическими рычагами международной системы. Речь идёт не о контроле над всем миром, а о недопущении ситуаций, когда Китай получает монопольное положение в ключевых сетях, стандартах, отраслях или инфраструктуре.

Третье – устранение критических уязвимостей. Особое внимание необходимо уделять тем зависимостям, которые позволяют противнику в критический момент навязать условия.

Эта конструкция принципиально отличается от стратегии «остановить Китай». Она предполагает более узкую цель: **не допустить появления областей китайского превосходства, которые автоматически превращаются в политическое принуждение.**

Из этой логики вытекает несколько задач.

1. Сделать науку, технологии и промышленность центральным элементом стратегии

RAND считает наиболее важными направлениями исследования, разработки, подготовку кадров, высокорисковый капитал и восстановление стратегически важных производств. Особое значение имеют технологии общего назначения, которые способ-

ны воздействовать сразу на множество отраслей. Задача заключается не в том, чтобы победить Китай в каждой технологии, а в том, чтобы не допустить китайского доминирования в технологиях с высокой системной отдачей.

2. Восстановить промышленную глубину

Тарифы сами по себе не создают промышленность. Необходимы производственные мощности, кадры, оборудование, цепочки поставок и внутренний спрос. Поэтому RAND рассматривает торговую политику лишь как один элемент более широкой промышленной стратегии.

3. Использовать союзников как совместную производственную систему

Совместные НИОКР, оборонное производство, технологические стандарты и разделение производственных функций должны рассматриваться как способ умножения американских ресурсов. Особенно важны те области, где ни одна страна Запада не обладает полной цепочкой самостоятельно.

4. Защитить цифровые и AI-сети

Конкуренция должна идти не только за производство чипов или моделей, но и за инфраструктуру, стандарты, облачные системы, энергетические мощности, данные и программные платформы. RAND отдельно связывает это направление с китайской концепцией Digital Silk Road.

5. Создавать альтернативные решения для третьих стран

Это один из наиболее интересных элементов предлагаемой стратегии. Если Китай становится поставщиком инфраструктуры, AI, цифровых платформ, кибербезопасности и промышленного оборудования, США должны предлагать альтернативу – самостоятельно или через консорциумы союзников. Иначе Вашингтон может формально сохранять военное превосходство, одновременно постепенно уступая Пекину экономические и технологические сети.

6. Повысить внутреннюю устойчивость

Кибербезопасность, критическая инфраструктура, энергетика, производство, логистика и устойчивость финансовой системы должны рассматриваться как элементы национальной мощи. RAND прямо связывает внутреннюю уязвимость с потерей внешней свободы действий.

7. Реформировать государственное управление

Это наиболее трудная часть стратегии. Американское преимущество предполагается строить не на копировании китайской централизованной модели, а на способности демократического государства быстрее принимать решения, строить инфраструктуру, финансировать долгосрочные исследования и обеспечивать исполнение уже принятых решений. Иными словами, предмет конкуренции – не только «рынок против государства». В значительной степени это **способность каждой системы эффективно соединять государство, капитал, технологии и общество.**

Малозаметный фактор: США уже движутся именно в эту сторону

Практика 2025–2026 гг. показывает, что многие элементы предлагаемой RAND логики уже появились в американской политике. Экспортный контроль передовых полупроводников используется как инструмент технологической политики, одновременно корректируя ограничения с учётом интересов американских производителей. Торговая политика всё чаще рассматривается через призму устойчивости цепочек поставок

и промышленной базы. USTR отдельно занялся китайским доминированием в судостроении и логистике.

При этом в сентябре 2026 года Вашингтон и Пекин продолжили управлять частью торговых отношений через специальный Board of Trade: стороны согласовали рекомендации по взаимному облегчению торговли не чувствительными товарами примерно на \$30 млрд с каждой стороны. Это важная реперная точка. Она показывает, что конкуренция не развивается по линейной схеме «соперничество → полное разделение». Одновременно могут существовать технологические ограничения, промышленное противостояние, военное сдерживание и попытки сохранить торговые каналы. Именно поэтому термин «новая холодная война» описывает лишь часть реальности.

Прогноз на 2026–2035 годы

Сценарий 1. Управляемая конкуренция и частичная взаимозависимость (наиболее вероятный)

Наиболее логичным продолжением нынешней траектории выглядит не примирение и не полный разрыв, а институционализированное сосуществование. США будут ограничивать китайский доступ к отдельным критическим технологиям, стимулировать промышленную локализацию и укреплять союзы. Китай будет ускорять технологическую самостоятельность, расширять собственные производственные цепочки и искать новые рынки в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. При этом стороны будут сохранять торговлю там, где взаимозависимость остаётся экономически выгодной. Такой режим уже просматривается в сочетании экспортных ограничений с последующими корректировками и сохранением каналов торговли.

Главный риск этого сценария – постепенное расширение перечня «чувствительных» технологий. Чем шире становится понятие национальной безопасности, тем меньше остаётся пространства для экономического взаимодействия.

Сценарий 2. Формирование двух технологико-промышленных экосистем (весьма вероятный)

Второй сценарий предполагает ускоренное разделение цепочек. США и их союзники будут создавать собственные цепочки полупроводников, критических минералов, оборонного производства, AI-инфраструктуры и энергетических технологий. Китай будет одновременно усиливать внутреннюю автономию и строить собственные стандарты, цифровые платформы и производственные экосистемы. При таком развитии третьей страны не обязательно будут выбирать один блок целиком. Более вероятна фрагментация: страна может использовать американские финансовые инструменты, китайскую инфраструктуру, европейское регулирование и собственные технологические решения. Следствием станет не новая биполярность, а **многослойная конкуренция технологических стандартов и производственных сетей**. Для мировой экономики это означает более высокую стоимость резервных цепочек и снижение эффекта глобальной специализации.

Сценарий 3. Военно-политический кризис с переходом экономической конкуренции в силовую (маловероятный, но реалистичный)

Наиболее опасная траектория связана прежде всего с Тайванем. В этом случае технологические ограничения и экономические санкции перестанут быть самостоя-

тельными инструментами и станут частью военного противостояния. Значение приобретут способность сторон поддерживать производство, обеспечивать энергией промышленность, защищать спутниковые и цифровые системы и мобилизовать союзников. Такой сценарий не следует считать неизбежным. Более того, сама экономическая взаимозависимость создаёт стимулы для его предотвращения. Но она не устраняет риск ошибочной оценки намерений, особенно если обе стороны начинают воспринимать технологическое и экономическое усиление другой стороны как подготовку к силовому изменению баланса.

Что будет определять исход конкуренции

Наиболее существенные показатели на горизонте десяти лет находятся не там, где обычно ищут признаки геополитического превосходства. Имеют значение пять более глубоких параметров.

Первый – производительность. Какая система сможет быстрее превращать AI и другие технологии общего назначения в рост производительности всей экономики.

Второй – промышленная масштабируемость. Кто сможет производить необходимое оборудование, компоненты и вооружения в больших объёмах.

Третий – способность к технологической диффузии. Кто быстрее превращает научные достижения в массовые коммерческие и государственные применения.

Четвёртый – устойчивость сетей. Кто сможет избежать зависимости от нескольких критических поставщиков или, наоборот, получить возможность контролировать такие узлы.

Пятый – качество государственного управления. Какая система окажется способна быстрее корректировать ошибки, перераспределять ресурсы и проводить долгосрочную политику.

Именно последний параметр может оказаться наиболее важным.

Если Китай сталкивается с проблемами демографии, долгов и эффективности государственного капитала, а США – с проблемами политической поляризации, долга, инфраструктуры и институциональной инерции, то обе стороны находятся перед одной и той же задачей: найти новую модель национального развития. Поэтому в конечном счёте американо-китайская конкуренция становится соревнованием не только двух государств, но и **двух способов организовать модернизацию в условиях технологической революции.**

Таким образом, американо-китайская конкуренция не представляет собой линейного движения к замене американской системы китайской. Китай обладает преимуществом в отдельных стратегических областях, прежде всего в промышленном масштабе, и пытается превратить его в структурное влияние. США сохраняют значительные преимущества в капитале, инновациях, союзах и ряде высокотехнологичных отраслей, но сталкиваются с проблемой преобразования этих преимуществ в согласованную государственную стратегию. Поэтому **центральным объектом конкуренции становятся не территории и даже не совокупные показатели ВВП, а критические способности и зависимости: кто создаёт ключевые технологии, кто способен их масштабировать, кто контролирует производственные цепочки, стандарты, цифровые сети и доступ к ресурсам.**

Первоначальная американская рекомендация в этой логике заключается не в попытке остановить развитие Китая как таковое. Она состоит в восстановлении собственных источников национальной мощи, создании устойчивых альтернатив китайским сетям и недопущении возникновения таких зависимостей, которые превращают экономическое или технологическое превосходство в инструмент политического принуждения.

Главный стратегический вопрос следующего десятилетия будет определяться не тем, станет ли Китай «новыми США», а тем, **сумеют ли обе державы превратить свои существующие ресурсы в устойчивые системы технологического, промышленного и институционального воспроизводства.** Именно на этом уровне будет формироваться относительное преимущество.